

ГОЛИКОВА С. В.

**РЕВИЗСКИЕ СКАЗКИ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЕМЬИ**

Ревизские сказки в историко-демографических исследованиях используют как основной источник. На сегодняшний день это также один из универсальных источников по изучению населения России в XVIII — первой половине XIX вв. Он пригоден как для подсчета общей численности, размещения и движения населения, так и для изучения семьи, демографических процессов.

Однако, чтобы столь разнообразно использовать данные ревизских сказок, их нужно подвергнуть всестороннему источниковедческому анализу. Имеется ряд специальных исследований, посвященных данной теме [1; 3; 5; 6]. Но в большинстве конкретных работ, основанных на ревизских сказках, авторы, как правило, опускают их источниковедческий анализ, хотя он является весьма важным компонентом любого исторического исследования.

Не исключение в этом смысле и работы по истории семьи, хотя именно в них характеристика первичных данных ревизского учета должна быть особенно глубокой. В данной статье мы постарались изучить ревизские сказки уральских заводов с точки зрения получения информации об уральской семье в XVIII в.

Методика демографического изучения ревизских сказок складывалась следующим образом. В. М. Кабузан, чтобы получить достоверные и точные данные о численности населения России, начал с источниковедческого анализа ревизских сказок. Во-первых, он предложил сравнить материалы ревизского, церковного и административно-полицейского учета. По его мнению, такое сличение позволяло определить научное значение разных видов учета [1. С. 94]. Во-вторых, пользуясь материалами всех ревизий, данный автор, чтобы ориентироваться уже как бы «внутри» этого вида учета, проследил динамику изменения формы и содержания ревизских сказок [1. С. 96]. В. М. Кабузан считал, что для определения реальной численности населения ревизские сказки являются самым приемлемым источником.

Однако стоило лишь поменять объект изучения и перейти от подсчета численности населения к анализу семьи, как проблеме достоверности ревизского учета пришлось решать на новом уровне. Н. А. Миненко, изучая состав семей сибирских крестьян, обратила внимание на то, что данные о размерах семьи существенно различны в ревизском, церковном и военно-административном учете [2. С. 41]. Когда она сравнила данные о размерах семьи в этих трех видах учета, то самыми точными оказались рекрутские списки (военно-административный учет). Данные ревизских сказок и церковного учета, по ее наблюдениям, использовать можно, но при условии сопоставления их друг с другом и с источниками иного типа [3. С. 37].

Таким образом, наиболее распространенный прием источниковедческого анализа ревизских сказок — это сравнение их с другими источниками, имеющими статистическую информацию по интересующему исследователя вопросу. При его применении сопоставление данных идет как бы «по горизонтали». Однако для исследования семьи необходимо привлекать материалы нескольких ревизий. Следовательно, необходим также «вертикальный» анализ сведений, содержащихся в документах следующих друг за другом ревизий. Нужно проследить, как от ревизии к ревизии в источнике фиксировались различные данные о семье.

В фонде Уральского горного управления и в фонде Главного управления заводов Демидова, находящихся в ГАСО, сохранились целые комплексы ревизских сказок второй половины XVIII в. заводов, принадлежавших Демидовым и Яковлевым [9. Д. 4833, 6672, 6673; 10. Д. 101, 102, 105, 236, 242, 244, 245]. Сказки за этот период, то есть третьей, четвертой и пятой ревизий, взяты не случайно, так как, с одной стороны, только с третьей ревизии был начат учет лиц женского пола [1. С. 65], введена единая печатная форма документа, которая впоследствии не подвергалась значительным изменениям [1. С. 96]. С другой стороны, с начала XIX в. формуляры сказок были уже несколько иными, к тому же произошло некоторое сокращение вопросов, освещаемых сказками [1. С. 97]. Следовательно, документы ревизий второй половины XVIII в. имели много общих черт, что отличает их от предшествующего и последующего ревизских учетов, то есть их можно выделить в определенный этап развития этого учета.

Сохранность по одному и тому же заводу ревизских сказок второй половины XVIII в. дает возможность сопоставить хранящиеся в них сведения по каждой семье. Так как пятую ревизию решено было провести точно так же, как и четвертую [7], то наибольший интерес представляет сравнение сведений третьей и четвертой ревизий.

Основной целью ревизского учета было обложение податного населения налогами. Это само по себе уже требовало высокой степени точности при написании документов. Чтобы избежать

«прописных душ» при составлении очередной ревизской сказки, за основу брали материалы предыдущей ревизии. Сравнение ревизских сказок третьей и четвертой ревизий по Черноисточинскому заводу Демидовых (1763, 1782 гг.) показало, что в них полностью совпадает порядок перечислений семей [10. Д. 105. Л. 1 — 89 об.; Д. 244. Л. 1 — 98 об.]. Видимо, работа приказчиков, которые отвечали за ревизский учет на уральских заводах, была организована следующим образом: в сказке третьей ревизии они находили по фамилии главу семьи, переносили нужные им сведения о членах этой семьи в составляемый документ, а затем дополняли их новыми данными о родившихся, умерших, вышедших замуж, переведенных, отданных в рекруты в семнадцатилетний период между ревизиями.

Для сохранения точности ревизского учета было введено также правило — отмечать возраст человека дважды: по предыдущей ревизии и по нынешней. Поэтому ошибки в фиксации возраста встречаются в ревизских сказках чрезвычайно редко.

Таким образом, преемственность материалов различных ревизий выражалась не только в повторяемости содержания, но и в сохранении ряда сведений предыдущей ревизии (к сожалению, не всех — исчезали данные о дочерях, выданных замуж, о сыновьях, отданных в рекруты).

В материалах ревизий одни и те же данные принимали иногда различную форму. Это происходило потому, что центральные органы постоянно совершенствовали ревизский учет, и в XVIII в. эта работа была направлена на создание однотипного документа, а также на его формализацию, чтобы свести на нет дополнительные данные, стихийно появлявшиеся в нем. Поэтому при изучении материалов ревизий необходимо выяснять, как указы властей о ревизском учете выполнялись составителями сказки на местах: для приказчика при написании новой ревизской сказки имели значение данные предыдущей ревизии, предписания правительства и, видимо, собственный опыт по составлению документов подобного рода.

Вместе с указом о проведении третьей ревизии публиковался образец сказки [8], в соответствии с которым требовалось извещать лишь имя и возраст главы семьи. В реальной же сказке третьей ревизии по Черноисточинскому заводу у всех мужчин работоспособного возраста, в том числе и у глав семей, указывался и род занятий («кучеклад», «кучесыпщик», «молотовой мастер»). Но такого характера сведения сообщались в ревизских сказках уральских заводов не всегда. Например, в данных третьей же ревизии по Егошихинскому и Мотовилихинскому заводам они отсутствуют [11].

О замужних женщинах в ревизских сказках должна была быть следующая информация: имя, возраст, место жительства до вступления в брак («старинная, того же села; взятая со стороны, откуда именно и почему»). Составители же сказки по

Черноисточинскому заводу не только очень подробно указывали, откуда были взяты замуж женщины (сообщалось название губернии, провинции, дистрикта, слободы, села, деревни), но и давали исчерпывающие сведения о социальном положении ее отца — сообщался даже род его занятий. Иногда присутствие в сведениях о том, где до переезда на Урал проживала семья женщины. Так, по данным ревизской сказки, жена Алексея Иванова Черных была взята в замужество из Краснопольской слободы, а ее семья пришла туда из города Устюга Великого Архангелогородской губернии [10. Д. 105. Л. 14].

О детях приказчики сообщали сведения, которые требовались по образцу ревизской сказки: имя, возраст, семейное положение («холост, выдана в замужество»). Об умерших, отданных в рекруты, бежавших, переведенных сообщались сведения в размере, указанном формой сказки. Добавляли также данные об увечных.

Таким образом, первичные документы ревизского учета, составленные на уральских заводах, содержали информацию большего объема, чем это предусматривали нормативные рекомендации по их составлению.

Сказка четвертой ревизии имела более строгую табличную форму — сведения о возрасте женщин заносились в отдельную колонку. По сравнению со сказкой третьей ревизии в ней отсутствовали данные о занятиях мужчин. Подробные сведения о семьях, из которых были взяты замуж женщины, были сведены к часто повторяемой фразе «из семьи жителей» такого-то населенного пункта. Кроме того, изменилась сама форма сведений о местожительстве женщин до замужества. Все женщины, вышедшие замуж до третьей ревизии, по сказке четвертой являлись «старинными, того же завода». Так, в сказке третьей ревизии записано, что плотник Борис Воробьев взял жену из деревни Висим [10. Д. 105. Л. 64 об.]. А в сказке четвертой ревизии сообщается, что его жена «старинная, того же завода [10. Д. 244. Л. 88]. У молотового подмастерья Григория Субботина жена была из еще более дальних мест — вотчины Демидовых, которая находилась в Нижегородской губернии, Арзамасского уезда. [10. Д. 105. Л. 73]. По четвертой же ревизии она также оказалась в числе «старинных» жительниц Черноисточинского поселка [10. Д. 244. Л. 5 об.].

Сказки пятой ревизии почти полностью по форме похожи на предыдущую. Нужно лишь отметить некоторые изменения, касавшиеся замужних женщин. Если государственная крестьянка выходила замуж за жителя завода, то это должно было происходить с ее добровольного согласия, о чем в ревизской сказке и делалась соответствующая запись. Так, Федор Трефилев сын женился на государственной крестьянке Краснопольской слободы деревни Матвеевки с ее «добровольного согласия» [9. Д. 6672. Л. 65 об.].

В ревизских сказках некоторых заводов, например Шайтанского, сообщалось о женщинах, вышедших замуж убогом. При этом для администрации завода не было тайной, чьими женами становились и где проживали «убежавшие». Например, по сообщению ревизской сказки таким образом поступили две дочери Федора Иванова Волкова. Старшая «убегом» вышла замуж за крепостного Бисертского завода, а младшая — за государственного крестьянина деревни Родиной [9. Д. 6673. Л. 3 об.].

Таким образом, ревизский учет на уральских заводах во второй половине XVIII в. изменялся в русле общегосударственных требований. Происходило сужение круга сообщаемых сведений, и к четвертой ревизии был определен оптимальный набор информации, требуемой для фискальных целей. Нужно отметить, что необходимые материалы для изучения основных вопросов по истории семьи, например, ее состава, во всех трех ревизиях не претерпели каких-либо изменений. Сокращение коснулось сведений социального характера. А в демографических исследованиях нужно учесть варьирование от ревизии к ревизии данных о замужних женщинах, например, при изучении брачности.

Сличение сведений нескольких ревизий помогает избежать ошибок, которые могут быть допущены, если использовать только материалы одной ревизии. Например, с третьей ревизии данный источник рисует более полную по сравнению с метрическими книгами картину брачных связей населения. Для этих целей можно использовать данные четвертой ревизии о местожительстве женщин до брака (см. таблицу). Первое, на что обращается внимание при анализе содержащихся в ней сведений, это большое количество браков между местными жителями. Однако цифра «187» является заведомо ложной, так как по четвертой ревизии у женщин, вышедших замуж до 1763 г., место жительства после брака автоматически менялось, и они зачислялись в разряд местных жительниц. Так произошло в 66 случаях, что составляет 35 % от общего числа замужних женщин, записанных по четвертой ревизии как местные жительницы. Подобный казус может быть выявлен только при сравнении сведений по каждой семье. Сопоставление общих данных двух ревизий не дает возможности увидеть этот «подвох» составителей сказки.

Данные, полученные на основе одной ревизии, нужно очень осторожно использовать также при изучении структуры семьи в динамике. Для этого рассчитывают типичный жизненный цикл семьи [4] и получают как бы ретроспективную модель развития семьи. Чтобы установить, насколько такая модель соответствует действительности, нужно сравнить ее со схемами развития семьи, полученными при сличении материалов двух ревизий. Для проведения такого сравнения были также использованы материалы третьей и четвертой ревизий по Черноисточинскому заводу.

Рассчитанный по сведениям только одной четвертой ревизии

Территориальное распределение брачных связей жителей Черноисточинского завода (по материалам четвертой ревизии)

Местожительство женщин до брака	Количество женщин	Местожительство женщин до брака	Количество женщин
Кушва	1	Заводы:	
Арташевская слобода	1	Невьянский	1
Заводы:		Быньговский	1
Черноисточинский	187	Лайский	1
Нижне-Тагильский	60	Деревни:	
Висимо-Шайтанский	16	Шорохово	1
Висимский	9	Галашенская	1
Уткинский	2	Сухой Лог	1
Выйский	1	Сулема	1
Вашапский	1	Фатеево	1
Нижне-Салдинский	1	Прянишникова	1
Шайтанский	1		
Висимо-Уткинский	1		

типичный жизненный цикл семей жителей этого завода состоит из четырех главных этапов.

Первый: доминирует большая отцовская (полная или неполная) семья (под большой понимается семья, где более одной супружеской пары), возраст мужчин 17—36, женщин — 17—36 лет.

Второй: типичны как большие отцовские и братские, так и малая семья, возраст мужчин 37—61, женщин 37—55 лет.

Третий: преобладают только большие отцовские и братские семьи, возраст мужчин 62—68, женщин 56—59 лет.

Четвертый: снова доминирует только большая отцовская (чаще всего неполная) семья, возраст мужчин 69—81, женщин 60—82 года.

По схемам, составленным при сличении двух ревизий, картина изменения структуры семьи оказалась следующей. За это время малые семьи, в которых супругам в среднем по 37—47 лет (сравним со вторым этапом) превратились в результате женитьбы сыновей и появления внуков в большие отцовские семьи. Малые же семьи, где супруги были немного старше — жене в среднем 49 лет, — а мужу 64 года, пройдя стадию отцовской семьи, потеряли старшую супружескую пару и стали к 1782 г. уже братскими. А большие отцовские семьи, в которых средний возраст младших супругов 29—33 года (сравним с первым этапом), а старшей супружеской паре 67—72 года (сравним с четвертым этапом), также лишились старшего поколения и превратились в братские.

Итак, в данных, полученных тем и другим способом, в основном совпадают последовательности перехода из одного состояния структуры семьи в другое и возраст женатых и замужних людей в одних и тех же структурах семьи. Однако типичный

жизненный цикл не учитывает всех основных явлений развития семьи за это время. Так, в третью ревизию большинство семей были малыми, а превращение их к четвертой в большие и ориентация при подсчете типичного жизненного цикла на такие семьи затушевывает факт преобладания 19 лет назад в Черноисточинском заводе малых семей.

Ревизские сказки, как всякий исторический источник, содержат реалии времени своего возникновения. И дело историков, которые используют его в социально-экономических, демографических или других исследованиях, определить степень их достоверности применительно к различным аспектам изучаемой темы.

При извлечении из ревизских сказок информации историко-демографического характера необходимо учитывать действие двух факторов: во-первых, высокий уровень точности ревизского учета; во-вторых, то, что ревизии проводились не в демографических, а в фискальных целях, то есть точность ревизского учета могла приводить к неточности демографических сведений. Так, порядок работы составителей сказок вызывает сомнение в реальности состава семьи, отраженном в источнике. Ни в одной из рассмотренных нами сказок уральских заводов XVIII в. не зафиксирован хотя бы один случай раздела семьи, исключая, естественно, насильственные меры администрации (перевод на другой завод, отправка в ссылку и т. п.). Между тем в литературе, посвященной этому же времени, имеются указания о таком явлении, как разделы. С учетом этого логичнее предположить не отсутствие разделов в реальной жизни населения уральских заводов, а их игнорирование составителями ревизских сказок, которые были заинтересованы рассматривать семьи в неразделенном виде, что облегчало учет жителей и повышало его точность.

Следовательно, ревизский учет скорее дает представление не о реальном составе семей, а о естественном развитии семейной организации благодаря заключению брака, рождению, смерти, которое лишь в незначительной степени нарушалось волей хозяев. Поэтому сличение данных ревизских сказок с материалами других статистических источников (например подворных переписей) можно использовать не только для выявления реального состава семьи, но и для изучения проблемы разделов семей (имея данные о «неделимом» составе семьи по ревизским сказкам, сравнить их с реальным ее составом).

В заключение следует сказать, что сличение материалов различных ревизий между собой, а также с нормативными рекомендациями по их составлению углубляют знание историков о внутренней структуре данного источника, позволяют оценить информацию, содежащуюся в нем, и целесообразно ее использовать в историко-демографических исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX вв. (по материалам ревизий). М., 1963.
2. Миненко Н. А. Массовые источники по демографии крестьянского двора XVIII — первой половины XIX вв. (по материалам Западной Сибири) // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977.
3. Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1979.
4. Нечаева М. Ю. Экономические условия развития семьи рабочих (по материалам переписи Златоустовского завода 1801 г.) // Научно-технический прогресс: исторический опыт и современность. Взаимодействие технического и социального прогресса в эпоху феодализма. Информационные материалы. Свердловск, 1989.
5. Подъяпольская Е. П. Ревизские сказки как исторический источник // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952.
6. Черкасова А. С. Ревизские сказки как источник по формированию горнозаводского населения // Уральский археографический ежегодник за 1970 г. Уч. зап. Пермского гос. ун-та. Пермь, 1971.
7. ПСЗ. Т. XXIII. С. 529.
8. Там же. Т. XV. С. 834—838.
9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 23.
10. Там же. Ф. 643. Оп. 1.
11. ЦГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1680. Л. 283—309.